

РАЗВИТИЕ ВОСПОЛНИТЕЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Владислав Эдуардович Бедросов^а

DOI: 10.22394/2070-8378-2023-25-4-11-17

а Юридическая фирма «VEGAS LEX»

Аннотация: Статья посвящена исследованию развития восполнительного толкования в России, а также оценке наличия случаев использования данного инструмента в российской судебной практике. Исследование базируется на анализе судебной практики, академической литературы и нормативных актов, а также частично на сравнительно-правовом подходе. Проанализирована действующая в российском договорном праве методика толкования условий договора. Автором сформулирован существенный концептуальный недостаток существующей системы – ее недостаточность в случае отсутствия в тексте соглашения буквально выраженного условия, которое могло бы быть истолковано правоприменителем. Определен общий порядок регулирования отношений в отсутствие прямо выраженного договорного условия – посредством использования императивных и диспозитивных норм закона, обычаев, аналогий и принципов добросовестности, разумности и справедливости. Выявлены и проанализированы случаи восполнения рассматриваемых договорных пробелов в российской судебной практике. Несмотря на формальное отсутствие в российском гражданском праве института «восполнения» договоров, в отличие от иных правовых систем, российские суды все же формулируют и включают в соглашения сторон условия, которые, по их мнению, необходимы для достижения цели договора и которые отражают общую волю сторон, хотя и не выраженную напрямую.

Ключевые слова: толкование договора, восполнение договорных пробелов, общая воля, подразумеваемые условия, судебная практика

Дата поступления статьи в редакцию: 12 августа 2023 года.

DEVELOPING THE SUPPLEMENTARY INTERPRETATION IN RUSSIAN JUDICIAL PRACTICE

Vladislav Eduardovich Bedrosov^a

RESEARCH ARTICLE

а VEGAS LEX Law Firm

Abstract: The article studies the development of remedial interpretation in Russia. It also assesses whether there are cases in which this instrument has been used in Russian court practice. The study relies on the analysis of judicial practice, academic literature, and regulations, as well as on the comparative legal approach. The article examines existing interpretation methodology of contractual terms in Russian contract law. The author argues that the existing system has a significant conceptual shortcoming: its inability to enforce contracts without a literally expressed condition in the text. The text defines the general procedure for regulating relations in the absence of an explicit contractual condition – applying mandatory and dispositive rules of law, custom, analogy, and the principles of good faith, reasonableness, and fairness. The article analyzes cases of filling the relevant contractual gaps in Russian judicial practice. The author concludes that, in Russian civil law, there is no institute of «supplementing» contracts like in other legal systems. However, Russian courts still create and include terms in agreements that they think are necessary to achieve the purpose of the contract and reflect the parties' common will.

Keywords: contract interpretation, contractual gap filling, general will, implied terms, court practice

Received: August 12, 2023.

Нормы и правила

Введение

Система толкования условий договоров постоянно получает развитие в судебной практике. Последний серьезный шаг в этом направлении был сделан Пленумом Верховного Суда Российской Федерации 25 декабря 2018 года с принятием Постановления № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».

В самом общем виде методология толкования договора состоит из последовательного применения буквального (грамматического) [Кирпичев, Кондратьев, 2019. С. 31–38], системного (логического) [Ворожевич, 2019. С. 15] и субъективного (исторического) толкований [Богданов, Богданова, 2018. С. 48–56]. При этом условно названный перечень, предусмотренный статьей 431 Гражданского кодекса Российской Федерации, не является исключительным и закрытым. Верховный Суд Российской Федерации сделал вывод о том, что приемы толкования могут содержаться также в иных правовых актах, вытекать из обычаев или деловой практики, а также могут быть обусловлены иными подходами (п. 46 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 года № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»).

В целом порядок и условия применения методов толкования не вызывают серьезных вопросов в практике, более того, с учетом предоставленной судам дискреции применять те или иные подходы при условии обоснования их выбора. Однако в практике нередко встречаются ситуации, когда условие договора, которое можно было бы истолковать для разрешения спора, отсутствует. Причины возникновения таких случаев могут быть различны: нежелание сторон тратить организационные и финансовые ресурсы на составление объемных договоров, необходимость крайне оперативного заключения контракта, использование устаревших типовых форм.

Регулирование отношений в отсутствие условий договора

Если условие договора, которое было бы применимо, в соглашении сторон отсутствует, регулирование осуществляется подходящими императивными и, в случае их отсутствия, диспозитивными нормами законодательства [Кожевников, 2016. С. 5–17]. Не углубляясь в подробности различий между диспозитивными и управомочивающими нормами, отметим, что такое понимание «резервного» характера диспозитивных норм является устоявшимся в теории и доктрине [Краснов, Надвикова, Шкатул-

ла, 2014], это же вытекает из положений п. 4 статьи 421 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В отсутствие же диспозитивных норм, регулирующих сложившиеся правоотношения, применению подлежит обычай (п. 5 статьи 421 Гражданского кодекса Российской Федерации). Обычай реже встречается в классических гражданских правоотношениях и свойственны более специфичным подотраслям (например, банковские, морские, торговые и прочие обычаи) [Козлова, Филиппова, 2019. С. 62–72]. Поскольку обычаи существуют не повсеместно, законодатель предлагает сторонам пользоваться аналогией закона и впоследствии аналогией права, а замыкают эту методологию требования добросовестности, разумности и справедливости (статья 6 Гражданского кодекса Российской Федерации).

На первый взгляд, применение общих принципов, обозначенных выше, не должно вызывать проблем, ведь добросовестность, разумность и справедливость – понятия, которые должны быть присущи любым правоотношениям. Однако их применение справедливо критикуется в доктрине вследствие их «размытости» и абстрактности.

Особенности применения принципов добросовестности и разумности

В последнее десятилетие в правоприменении частое апеллирование к добросовестности и запрету злоупотребления правом стало универсальным инструментом, который в совокупности с широкой судебной дискрецией начал создавать риск дестабилизации гражданского оборота [Рыжов, 2017. С. 14–17].

В данном контексте однозначно стоит согласиться с мнением экспертов, согласно которому принцип добросовестности в силу своей абстрактности имеет разное правовое наполнение и влечет различные правовые последствия, которые могут, с одной стороны, заполнить правовой или договорной пробелы, а с другой стороны, создать правовую неопределенность и дестабилизировать гражданский оборот [Зайцева, 2020(b). С. 476–501].

Задачей принципа добросовестности является адаптация позитивных правовых норм к особенностям конкретных жизненных ситуаций [Нам, 2020. С. 88–103]. Кроме того, добросовестность и разумность в своей сущности полагаются на внутренние убеждения суда, который, хоть формально и обязан учитывать каузу сделки, может не устанавливать общую волю сторон, поскольку она прямо не выражена. Следствием судебного усмотрения может стать вынесение противоречивых решений по идентичным спорам [Чернов, Беляев, 2020].

Однако регулирование отношений в отсутствие конкретного договорного условия не должно осу-

ществляться без учета воли сторон, хоть и такая воля не была прямо выражена в тексте соглашения. В противном случае становится очевидным вмешательство в *lex voluntatis* – зону автономии воли сторон. Границы судебного усмотрения при оценке поведения играют первостепенную роль, поскольку излишне широкая дискреция может привести к непредсказуемому развитию правоотношения, слишком узкая – к невозможности учета действительного намерения сторон, здесь чаще всего судебное решение становится «заложником» формального подхода [Зайцева, 2020(а). С. 84–100].

Восполнение договорных пробелов

Обозначенная выше проблема нашла отражение и была решена в иностранных юрисдикциях. Однако общий принцип добросовестности, например, в английском праве, заменен иными механизмами – *estoppel*, *fundamental term*, *reasonableness* и др. [Борисов, 2019]. Эстоппель, например, нашел свое место в российском материальном и процессуальном праве и активно используется в правоприменении. Одним из таких институтов является, в частности, следующий.

Несмотря на различия правопорядков систем общего и континентального права, эти системы используют похожие по своей сущности инструменты [Байрамкулов, 2014. С. 7–43]: восполнительное толкование в Германии (*ergänzende Vertragsauslegung*) и институт фактически подразумеваемых условий (*terms implied in fact*), к примеру, в английском праве и основанном на нем праве Гонконга. О соотношении понятий «толкование» и «восполнение» в доктрине ведутся дискуссии [Швайка, 2020. С. 45–91].

Данные институты продолжают изучаться как в зарубежной, так и в российской доктрине. Вместе с тем с учетом специфики российского правопорядка не все научные проблемы вызывают интерес в последнем: к примеру, в английской литературе по-прежнему ведутся дискуссии о природе добросовестности как подразумеваемого условия, присутствующего каждому договорно-правовому отношению – дискуссии, решенные в российском праве путем закрепления одной нормы-принципа [Peden, 2009].

Тем не менее российскому законодательству институт восполнительного толкования неизвестен: он замещен порядком, описанным выше. Однако означает ли это, что российские суды фактически не руководствуются интересами сторон, их гипотетической общей волей на поведение в той или иной ситуации, не отраженной в буквальном положении договора?

Как представляется, не означает. Анализ актуальной судебной практики позволил выявить ряд споров, в которых суды, пусть и косвенно, форму-

лируют условия сделки, если стороны не сделали этого сами. Однако необходимо упомянуть, что выявленные случаи не являются исключительными и что ранее в доктрине анализировалась, к примеру, практика Высшего арбитражного суда Российской Федерации, исследовались вопросы, связанные с восполнением пробелов в договорах, например, в мировых соглашениях [Байрамкулов, 2013. С. 94–100]. Рассмотрим ряд таких примеров.

Условие о сроках поставки оборудования в ЕРС-контракте (дело № А67-5658/2021)

Наиболее яркий из выявленных случаев дополнения условий договора за последнее время (на момент подготовки настоящей статьи) можно найти в решении Арбитражного суда Томской области от 1 марта 2023 года по делу № А67-5658/2021¹.

Обстоятельства дела. Между заказчиком и подрядчиком заключен комплексный договор строительного подряда, по условиям которого последний не только непосредственно выполняет работы, но также и разрабатывает проектную (и/или рабочую) документацию, поставяет оборудование (так называемый ЕРС-контракт²). Поставка каждой позиции оборудования для объекта являлась отдельным этапом работ в графике выполнения работ – составной части практически любого договора строительного подряда – и предусматривала как дату окончания, так и дату начала каждой поставки, причем последняя не совпадала с датой заключения договора.

Требования истца-заказчика заключались во взыскании неустойки за просрочку поставки оборудования. Ответчик-подрядчик, в свою очередь, помимо прочего ссылался на вину кредитора-заказчика в возникшей просрочке (статья 404 Гражданского кодекса Российской Федерации). По мнению подрядчика, период отсутствия нарушений с его стороны должен рассчитываться с даты устранения препятствий кредитором и составлять период не от даты начала поставки согласно графику, а с даты заключения договора.

Ни положения ЕРС-контракта, ни тем более императивные и диспозитивные нормы законодательства не учитывали подобные ситуации в своем регулировании.

1 Вступило в силу 1 апреля 2023 года, не обжаловано в суде апелляционной и кассационной инстанции.

2 Подробнее о специфике ЕРС-контрактов в российском праве см.: Варавенко В.Е. Обязанность подрядчика по выполнению работ в ИПС-контракте: сравнение условий типового договора FIDIC для проектов ИПС / «под ключ» и российского законодательства. *Международное публичное и частное право*. 2019. № 3. С. 18–21.

Нормы и правила

Позиция суда. Суд, применяя положения о смешанной вине сторон в нарушении обязательства, осуществил перерасчет неустойки. Однако суд тем не менее (с определенными оговорками) согласился с позицией ответчика-подрядчика в отношении периода нарушения обязательства, фактически дополнив ЕРС-контракт условием, которое обе стороны очевидно не могли не предполагать, заключая договор.

Подразумеваемое условие. Суд, удовлетворяя иск частично, дословно указал следующее:

«[...] При наличии в Договоре условия о предельном сроке поставки оборудования и установленной обязанности Подрядчика своевременно поставить его, учитывая общую цель заключения Договора, Подрядчик, надлежащим образом заботясь об интересах своего кредитора, должен был спланировать модель своего поведения при исполнении обязательства и предпринять разумные и достаточные действия по закупке или изготовлению подлежащего поставке оборудования, начиная с даты заключения Договора таким образом, чтобы оборудование было поставлено к дате окончания поставки (в соответствии с Приложением № 2 к Договору (Спецификация оборудования)).

Следовательно, периоды просрочки поставки оборудования, в которых отсутствовала вина Заказчика, должны исчисляться с даты устранения недостатков проектной документации, увеличенной на периоды с момента заключения Договора до предельных дат поставок каждой отдельной позиции, указанных в Приложениях № 2 и № 3 к Договору»³.

Вывод. Таким образом, даже несмотря на наличие четко установленной даты «начала» поставки каждой позиции оборудования, по мнению суда, стороны подразумевали, что подрядчик должен в той или иной форме заранее приступить к необходимым приготовлениям для поставки после заключения договора, не дожидаясь при этом формального дня, установленного договором.

Условие о получении финансирования для оплаты товара (дело № А46-832/2020)

Решением Арбитражного суда Омской области от 29 июня 2020 года рассмотрено дело № А46-832/2020⁴, не осложненное комплексными расчетами периодов и сроков, в отличие от предыдущего дела № А56-5658/2021. Однако для российской

практики «восполнения» договоров рассмотренное им дело представляет интерес как некий своего рода упрощенный пример.

Обстоятельства дела. Между поставщиком-истцом и покупателем-ответчиком заключен договор поставки. Согласно условиям договора, окончательный расчет в размере 50 % от стоимости продукции должен быть произведен в течение 30 дней после поступления последней партии товара. Основанием для обращения с исковым заявлением стало нарушение обязательств покупателя-ответчика по осуществлению указанного окончательного расчета в срок.

Позиция покупателя-ответчика сводилась преимущественно к отсутствию получения денежных средств (финансирования) от генерального заказчика, с которым у него был заключен государственный контракт.

Позиция судов. Все три инстанции, рассматривавшие дело, не согласились с аргументацией покупателя-ответчика. Суд апелляционной инстанции отметил, что покупатель, размещая заказ на покупку товара, мог и должен был учитывать возможность получения средств на финансирование исполнения спорного договора. Однако более примечательной является изложенная кассационной инстанцией позиция, в которой правоприменитель фактически сформулировал условие договора за стороны.

Подразумеваемое условие. Суд кассационной инстанции отметил:

«[...] При наличии условия о внесении окончательного платежа не позднее декабря 2018 года [покупатель-ответчик], надлежащим образом заботясь об интересах своего кредитора ([поставщик-истец]), должен был таким образом спланировать модель своего поведения при исполнении обязательства и предпринять такие разумные и достаточные действия для получения финансирования от государственного заказчика, чтобы оно состоялось до истечения этого срока.

Негативные последствия несовершения подобных действий ответчиком, а равно возможное нарушение сроков генеральным заказчиком, за действия которого перед [поставщиком-истцом] отвечает [покупатель-ответчик] по статье 403 ГК РФ, не должны ложиться на истца, в правомерные ожидания которого входила только такая продолжительность срока оплаты товара, которая соответствует планируемой модели надлежащего исполнения»⁵.

Вывод. Действительно, общее положение п. 3 статьи 403 Гражданского кодекса Российской Фе-

3 Решение Арбитражного суда Томской области от 1 марта 2023 года по делу № А67-5658/2021.

4 Оставлено без изменения постановлением 8ААС от 6 октября 2020 года и постановлением АС ЗСО от 8 февраля 2021 года.

5 Решение Арбитражного суда Омской области от 29 июня 2020 года по делу № А46-832/2020.

дерации исключает из числа обстоятельств непреодолимой силы в том числе нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника. Вместе с тем, как представляется, ссылка судов на данное положение является стандартной для отклонения подобной аргументации ответчиков, позволяющей формально защитить интересы должника, который никак не участвует в относительных гражданско-правовых отношениях своего контрагента с третьим лицом.

В рассматриваемом деле суды фактически вывели новое договорное положение для уже заключенного договора поставки: при наличии заключенного с третьим лицом государственного контракта, являвшегося единственным источником финансирования поставки, покупатель в данном случае обязан был заранее предпринимать действия для своевременного окончательного расчета.

Условие о подготовке помещения к выполнению работ (дело № А75-12374/2019)

В противовес первому рассмотренному делу № А67-5658/2021 решением Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 20 февраля 2021 года по делу № А75-12374/2019⁶ «восполнен» государственный контракт условием, возлагающим дополнительные обязанности уже на заказчика.

Обстоятельства дела. Между заказчиком-ответчиком и поставщиком-истцом заключен государственный контракт, по условиям которого последний обязался оказать услуги по доставке, монтажу и вводу в эксплуатацию медицинского оборудования. Поставщику-истцу было предоставлено право требовать от заказчика подготовки помещения для монтажа оборудования в соответствии с обязательными требованиями. Заказчик-ответчик обязался обеспечить условия для оказания услуг в части такой подготовки (пункт 3.3.2), а также своевременно принять и оплатить оборудование и услуги (пункт 3.3.3)⁷.

Сторонами также был согласован предельный срок поставки оборудования, в отличие от сроков подготовки помещения к монтажу, которые прямо оговорены в государственном контракте не были. Заказчик-ответчик закончил подготовку помещения лишь спустя год после предельного срока поставки оборудования, в связи с чем поставщик-ис-

тец, надлежащим образом и в срок исполнивший обязательства, обратился в суд за взысканием неустойки и сопутствующих убытков.

Позиция судов. При рассмотрении дела на «втором круге» суды сочли возможным защитить интересы поставщика-истца.

Однако концептуальными представляются выводы кассационной инстанции в постановлении АС ЗСО от 10 августа 2021 года по данному делу:

«Фактически сторонами согласовано потестативное условие о зависимости исполнения обязанности заказчика по своевременной приемке товара (пункт 3.3.3 контракта) от выполнения им обязанности по подготовке помещения для обеспечения сборки оборудования, его установки, монтажа и ввода в эксплуатацию, находящихся в сфере контроля ответчика.

Следовательно, данное потестативное условие носит относительный характер и предполагает совершение [заказчиком-ответчиком] действий, направленных на подготовку помещения, – привлечение подрядных организаций для выполнения строительно-монтажных работ, до выполнения которых осуществление приемки товара невозможно. Иное толкование ставило бы истца в зависимость исключительно от поведения третьих лиц, с которыми он обязательственных правоотношений не имеет»⁸.

Подразумеваемое условие. Суд кассационной инстанции отметил:

«При наличии в контракте условия о предельном сроке поставки оборудования, а также установленной обязанности заказчика своевременно принять товар, учитывая общую цель заключения контракта, [заказчик-ответчик], надлежащим образом заботясь об интересах своего кредитора, должен был таким образом спланировать модель своего поведения при исполнении обязательства и предпринять разумные и достаточные действия по подготовке помещения для монтажа оборудования, обеспечить такую готовность до истечения этого срока»⁹.

Вывод. Стоит обратить внимание на то, что суд кассационной инстанции прямо говорит о том, что стороны фактически согласовали условие не только по своевременной приемке товара, но и по своевременной подготовке помещения для монтажа оборудования. Как представляется, такой подход является правильным, ведь, как отмечает суд, иное толкование – а, по сути, отсутствие такого подразумеваемого условия – ставило бы одну из сторон в зависимость исключительно от поведения како-

6 Оставлено без изменения постановлением 8ААС от 19 мая 2021 года, постановлением АС ЗСО от 10 августа 2021 года и определением Верховного Суда Российской Федерации от 19 октября 2021 года.

7 Пункты договора приводятся для удобства понимания выводов судов, изложенных в настоящей статье ниже.

8 Постановление арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10 августа 2021 года по делу А75-12374/2019.

9 Постановление арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10 августа 2021 года по делу А75-12374/2019.

Нормы и правила

го-либо третьего лица, с которым он не вступал в обязательственные (договорные) отношения.

Выводы суда кассационной инстанции, хоть и формально сделаны посредством толкования имеющихся условий, тем не менее все же опираются больше на буквально отсутствующие положения соглашения, которые стороны очевидно предполагали. В противном случае коммерческая цель всего договора не могла бы быть достигнута.

Заключение

В рассмотренных примерах суд, принимая во внимание общую цель сделки и гипотетические интересы (волю) участников, создает условие, которым стороны конкретного договора должны или должны были руководствоваться. При этом учитываются знакомые континентальным и российскому правопорядкам основополагающие принципы.

«Планирование модели поведения» по своей сути и является той самой гипотетической волей участников при заключении договора – даже если стороны прямо не выразили те или иные обязанности или порядок их исполнения, разумные и достаточные действия, которые должны предприниматься и являются ключом для надлежащего исполнения соглашений.

В рассмотренных примерах использования механизма, хотя и прямо не именуемого «восполнительным», российские суды достигают тех же целей, которые преследуют институт *«terms implied in fact»* в английском праве и институт *«ergänzende Vertragsauslegung»* – в немецком. Считать использование такого механизма лишь формой применения требований добросовестности и разумности, как предписывает гражданское законодательство, в чистом виде представляется не полностью корректным.

Очевидно, что в отсутствие иных механизмов в российском договорном праве, позволяющих достичь указанных целей, помимо использования принципов добросовестности и разумности, судам приходится использовать доступные им механизмы.

В отличие от абстрактных принципов, не позволяющих определить четкое содержание и инструментарий для применения и формулирования договорных условий, использование восполнительных механизмов предоставляет как правоприменителю, так и сторонам понимание возможных правовых последствий не только постфактум, но и непосредственно при возникновении правовых дефектов в правоотношении.

Это не означает, однако, необходимости перехода от одной крайности в другую. Добросовестность и подразумеваемые условия как механизмы восполнения могут быть использованы и используются порой эффективно совместно – очевидным примером являются Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА).

Наличие, в свою очередь, выработанных критериев и границ применения восполнительных механизмов в иностранных правопорядках позволяет сместить маятник от категории судейского усмотрения к определению гипотетической воли сторон, что в более значительной степени учитывает принцип *lex voluntatis*.

Более того, применение восполнения в относительно закрепленных формах позволило бы перейти от возложения рисков и неблагоприятных последствий пробелов на сторону, которая имела больший контроль при составлении договора, к конструктивному и объективному достижению экономической цели правоотношения.

Литература

- Байрамкулов А.К. Восполнительное толкование договора на примере мирового соглашения. *Закон*. 2013. № 2. С. 94–100.
- Байрамкулов А.К. Основы учения о восполнительном толковании гражданско-правового договора. *Вестник гражданского права*. 2014. № 2. С. 7–43.
- Богданов Д.Е., Богданова С.Г. Способы толкования договора в судебной практике. *Вестник арбитражной практики*. 2018. № 2. С. 48–56.
- Варавенко В.Е. Обязанность подрядчика по выполнению работ в ИПС-контракте: сравнение условий типового договора FIDIC для проектов ИПС/«под ключ» и российского законодательства. *Международное публичное и частное право*. 2019. № 3. С. 18–21.
- Вороженич А. Верховный Суд Российской Федерации напомнил судам, что толковать условия договоров следует в их системной взаимосвязи, сопоставляя друг с другом. *ЭЖ-Юрист*. 2019. № 11. С. 15.
- Зайцева Н.В. Пределы судебной дискреции при оценке правового поведения сторон и правовая эффективность. *Вестник гражданского процесса*. 2020(а). № 6. С. 84–100.
- Зайцева Н.В. Принцип добросовестности и его влияние на квалификацию правовых связей. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2020(б). № 3. С. 476–501.
- Кирпичев А.Е., Кондратьев В.А. Буквальное толкование договора судом и квалификация опечаток в тексте договора. *Вестник Арбитражного суда Московского округа*. 2019. № 2. С. 31–38.
- Кожевников В.В. Диспозитивные нормы современного российского права: понятие, особенности, проблемы. *Современное право*. 2016. № 2. С. 5–17.
- Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Обычай в гражданском праве. *Журнал российского права*. 2019. № 1. С. 62–72.
- Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. Юридическая техника: учебник. М.: Юстицинформ, 2014.

Нам К.В. Принцип добросовестности как правовой принцип. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2020. № 2. С. 88–103.

Рыжов Н.А. О некоторых моментах реализации судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации. *Юрист*. 2017. № 8. С. 14–17.

Чернов Л.В., Беляев М.Д. Усмотрение суда при рассмотрении дел об административных правонарушениях в сфере топливно-энергетического комплекса // Судейское усмотрение: сборник статей / Е.В. Авдеева, Г.А. Агафонова, М.Д. Беляев и др.; отв. ред. О.А. Егорова, В.А. Вайпан,

Д.А. Фомин; сост. А.А. Суворов, Д.В. Кравченко. М.: Юстицинформ, 2020.

Швайка А.Е. Обоснование субъективного подхода и допустимости внешних доказательств при толковании завещаний. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2020. № 9. С. 45–91.

Peden E. 'Implicit Good Faith' – or Do We Still Need an Implied Term of Good Faith? *Journal of Contract Law*. 2009. Vol. 2. Sydney Law School Research Paper No. 09/01. <https://ssrn.com/abstract=1326690>. In English

References

Bayramkulov A.K. Supplementary interpretation of the contract using the example of a settlement agreement. *Zakon*. 2013. No. 2. P. 94–100. In Russian

Bayramkulov A.K. Fundamentals of the doctrine for supplementary interpretation of civil contracts. *Vestnik grazhdanskogo prava*. 2014. No. 2. P. 7–43. In Russian

Bogdanov D.E., Bogdanova S.G. Methods of interpreting contracts in jurisprudence. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*. 2018. No. 2. P. 48–56. In Russian

Chernov L.V., Belyaev M.D. Court discretion in considering cases on administrative offences in the areas of the fuel and energy complex // Judicial discretion: collection of articles / E.V. Avdeeva, G.A. Agafonova, M.D. Belyaev and others; resp. ed. O.A. Egorova, V.A. Vaypan, D.A. Fomin; compiled by A.A. Suvorov, D.V. Kravchenko. Moscow: Yustitsinform, 2020. In Russian

Kirpichev A.E., Kondratyev V.A. Literal interpretation of the treaty by the court and qualification of typographical omissions in the text of a contract. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga*. 2019. No. 2. P. 31–38. In Russian

Kozhevnikov V.V. Dispositive norms of modern Russian law: concept, features, problems. *Sovremennoye pravo*. 2016. No. 2. P. 5–17. In Russian

Kozlova N.V., Filippova S.Yu. Customs in civil law. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 2019. No. 1. P. 62–72. In Russian

Krasnov Yu.K., Nadvikova V.V., Shkatulla V.I. Legal technique: textbook. Moscow: Yustitsinform, 2014. In Russian

Nam K.V. The principle of good faith as a legal principle. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 2020. No. 2. P. 88–103. In Russian

Ryzhov N.A. On certain aspects of how the courts implement article 10 of the Civil Code of the Russian Federation. *Yurist*. 2017. No. 8. P. 14–17. In Russian

Shvaika A.E. Substantiation of the subjective approach and admissibility of extrinsic evidence in the interpretation of wills. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 2020. No. 9. P. 45–91. In Russian

Varavenko V.E. The contractor's responsibility to perform work under EPC contract: comparing the terms and conditions of a model FIDIC agreement for EPC/turn-key projects and Russian laws. *Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo*. 2019. No. 3. P. 18–21. In Russian

Vorozhevich A. The Supreme Court of the Russian Federation reminded courts to interpret the terms of contracts in their systemic interrelation, comparing them with each other. *EZH-Yurist*. 2019. No. 11. P. 15. In Russian

Zaitseva N.V. Limits of judicial discretion in assessing the legal behavior and legal effectiveness. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa*. 2020. No. 6. P. 84–100. In Russian

Zaitseva N.V. The principle of good faith and its impact on the classification of legal bonds. *Bulletin of Perm University. Yuridicheskiye nauki*. 2020. No. 3. P. 476–501. In Russian

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Владислав Эдуардович Бедросов, юрист Практики специальных проектов Юридическая фирма «VEGAS LEX» (Российская Федерация, 115054, Москва, Космодамианская набережная, 52/5). E-mail: ve.bedrosov@gmail.com

Для цитирования: Бедросов В.Э. Развитие восполнительного толкования в российской судебной практике. *Государственная служба*. 2023. № 4. С. 11–17.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Vladislav Eduardovich Bedrosov, Lawyer, Special Projects Practice VEGAS LEX Law Firm (bldg. 52/5, Kosmodamianskaya naberezhnaya, Moscow, 115054, Russian Federation). E-mail: ve.bedrosov@gmail.com

For citation: Bedrosov V.E. Developing the supplementary interpretation in Russian judicial practice. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2023. No. 4. P. 11–17.